

102
244.

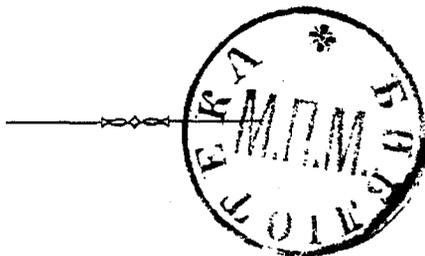
О ПУБЛИЧНОСТИ

ИЛИ

ГЛАСНОСТИ СУДА.

Чтеніе въ годичномъ публичномъ засѣданіи Одесскаго Юридическаго
Общества 12 Марта 1888 г.

М. А. ОКСА.

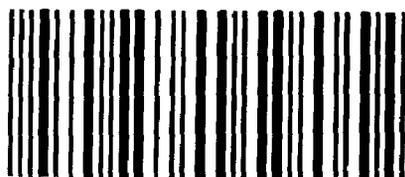

ОДЕССА.

Типографія «Одесскаго Вѣстника», Екатерининская ул., д. Бубы.

1889.

Печатано по постановленію Совѣта Одесскаго Юридическаго Общества.
Товариць Предсѣдателя *М. В. Шимановскій.*

2007066185

О публичности или гласности суда *).

Чтеніе въ годичномъ публичномъ засѣданіи Одесскаго Юридическаго Общества 12 Марта 1888 г.

М. А. Окса.

Съ 20-го Ноября 1864 года Россія имѣетъ судебныя уставы ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го. Величайшимъ актомъ законодательнаго творчества русская жизнь приобщена къ общему теченію жизни культурныхъ народовъ въ формахъ отправленія правосудія. Не только въ Европѣ, но и у насъ общество совершенно уяснило себѣ преимущества публичнаго, гласнаго суда надъ судомъ тайнымъ, негласнымъ, камернымъ; колебанія въ выборѣ, желанія возвратиться вспять—предположить невозможно.

И однако для нашей бесѣды я выбралъ вопросъ о публичности суда.

Въ общественныхъ вопросахъ есть рядъ такихъ, съ которыми по общему убѣжденію кажется все покончено; рѣшеніе по такимъ вопросамъ составляетъ неотдѣлимую часть того общественнаго міровоззрѣнія, въ которомъ всѣ сходятся—за исключеніемъ единицъ, неимѣющихъ никакого значенія въ общественной психикѣ. *Возможна ли теперь споръ объ*

* Я употребляю оба выраженія: публичность, гласность, п. ч. каждое въ отдѣльности не опредѣляетъ вполне предмета: съ одной стороны судъ вообще публичная функція; съ другой стороны понятіе гласности процесса безъ дальнѣйшихъ оговорокъ можетъ быть отнесено къ полной доступности судебныхъ актовъ только для сторонъ.

общественномъ достоинствѣ *рабства, крѣпостничества*? Мыслимо ли сомнѣніе относительно того, что *впротерпимость* важнѣйшее условіе здоровой общественности? Кто *рѣшится*, отрицать, что просвѣщеніе, знаніе — неоцѣнимыя блага которыя должны быть общедоступны, какъ воздухъ и свѣтъ, наибольшее распространеніе которыхъ вѣрнѣйшій залогъ народнаго благополучія?

Да, — все это возможно, мыслимо, на все это рѣшаются; только атака не всегда предпринимается съ фронта, съ развернутымъ знаменемъ.

Въ 19 ст. крѣпостники, феодалы, юнкеры могли опереться на Штала и Гегеля; послѣдній прямо училъ, что высшее человѣческое состояніе есть состояніе раба, какъ совершеннѣйшее объективированіе альтруистической идеи.

Что такое штекеризмъ, какъ не человѣконенавистничество, заквашенное на клерикальныхъ дрожжахъ, подъ фальшивымъ антропологически-расовымъ флагомъ?

А развѣ въ нашихъ земскихъ собраніяхъ не идетъ по временамъ глухая борьба противъ крестьянскихъ школъ; развѣ не подымались голоса въ такихъ собраніяхъ, заявлявшіе, что грамота развращаетъ и губитъ мужика?

Публичность суда не ушла отъ подобной участи: въ Германіи прежній, непокорный рейхстагъ отвергъ законопроектъ, направленный, впрочемъ весьма осторожно, противъ нѣкотораго, по мнѣнію инициаторовъ законопроекта, *излишка* судебной гласности. Проектъ этотъ внесенъ былъ въ новый рейхстагъ и теперь уже имѣетъ силу закона; пресса констатируетъ въ законо-проектѣ духъ имперскаго канцлера ¹⁾.

¹⁾ *Friedmann*. Die Oeffentlichkeit der Gerichtsverhandlungen. В. 1887, S. 5.

1888 г. Марта 2, законопроектъ съ нѣкоторыми измѣненіями рейхстагомъ обращенъ въ законъ, по содержанію котораго : а) закрытіе

Вообще же враги публичнаго суда не дремлютъ, не брезгая по временамъ испытаннымъ средствомъ дона Базиліо—клеветой.

И въ самой наукѣ усиливается пробить брешь въ принципъ публичности суда—новая итальянская антропологическая школа.

При такихъ обстоятельствахъ не мѣшаетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, чѣмъ мы обладаемъ, въ чемъ сущность нашего дорогаго приобрѣтенія, чѣмъ опредѣляется природа и жизненное дѣйствіе принципа публичности суда. Постараюсь изложить то, что изъ общей сокровищницы науки я заимствую по занимающему насъ вопросу.

Въ числѣ заслугъ нѣмецкой философіи считается слѣдующее открытіе: первичная форма даннаго общественнаго явленія, отъ которой началось развитіе, оказывается сходной съ высшей формой, которая стоитъ въ заключительномъ моментѣ развитія; но послѣдняя форма отличается отъ первой богатствомъ жизненнаго содержанія. Примѣры поясняютъ эту мысль:

Вотъ въ началѣ исторіи группа племенъ; каждое живетъ особнякомъ на свой страхъ и рискъ. Постепенно мелкія племена и общины сливаются въ одинъ народъ, въ одно государство; но государство управляется сильною центральною властью, всѣ стремленія которой направлены къ сплоченію и возвеличенію цѣлаго; отъ этой власти исходятъ всѣ нити управления. По мѣрѣ развитія общественной жизни крайняя административная централизація,

засѣданія при указанныхъ обстоятельствахъ предоставлено суду, отъ особаго постановленія коего зависитъ ограничить и публичное объявленіе мотивовъ приговора; б) судъ можетъ воспретить доступъ несовершеннолѣтнимъ, ограниченнымъ въ гражданской чести и являющимся въ неприличномъ видѣ; в) доступъ въ закрытыя засѣданія зависитъ отъ суда, а не отъ предсѣдателя, какъ было прежде; установленъ штрафъ за разглашеніе происходившаго въ закрытомъ засѣданіи.

военный режимъ господства надъ соединенными народами смѣняются децентрализаціей, мѣстнымъ самоуправленіемъ и федератизмомъ.

Первобытное общество состоитъ все изъ воиновъ, которые во время мира обращаются къ мирнымъ занятіямъ. Съ теченіемъ времени военное дѣло становится профессиональнымъ; армія обособляется отъ народа. Но въ дальнѣйшемъ развитіи общество переходитъ къ общей воинской повинности, въ которой каждый или почти каждый гражданинъ несетъ краткосрочную военную службу, готовый выступить солдатомъ, когда война того потребуетъ.

Въ дѣлѣ суда мы можемъ прослѣдить тотъ-же общественный процессъ ¹⁾).

Въ тѣхъ моментахъ общественности, которые характеризуются народовластіемъ, народъ является законодателемъ и судьей; функціи законодателя и судьи нераздѣльны. «Дѣламъ, въ рѣшеніи которыхъ принималъ участіе весь народъ, отъ исхода которыхъ зависѣла жизнь, честь, свобода гражданъ, сообщалось наиболѣе торжественности. Дни суда были напередъ извѣстны и къ нимъ обыкновенно стекались значительные массы зрителей» ²⁾).

По мѣрѣ того, какъ въ народѣ дифференцируются властные и въ частности судебные органы, народъ долго еще сохраняетъ въ той или другой формѣ активное или пассивное участіе въ дѣлѣ суда.

Библейскіе судьи и старѣйшины творили судъ у городскихъ воротъ и у края большихъ дорогъ; присутствующій народъ имѣлъ право совѣщательной интервенціи ³⁾: вспомнимъ Даніила въ процессъ Суссаны.

Римскій преторъ не только бралъ судей факта для каждаго дѣла изъ народа, но и судилъ публично на обще-

¹⁾ *Современникъ* № 12-й 1858 г. Критика философскихъ предубвденій противъ общиннаго владѣнія.

²⁾ *Войничскій*. Курсъ уголовн. судопр. 1884 Спб. Т. I, стр. 90.

³⁾ *Salvador*. Histoire des Institutions de Moïse. Brux. 1829, p. 47, 52, 70.

ственной площади¹⁾. Судебное участіе народа выступаетъ во всей своей важности въ правѣ апеллированія къ народу (*provocatio ad populum*). Для народа открытъ былъ доступъ въ аудиторіи и *tabularii* позднѣйшаго времени; и даже двери византийскихъ базиликъ оставались для народа открытыми²⁾.

Также открыто при участіи народа судили судьи славянскихъ и германскихъ племенъ.

Въ Россіи «въ періодъ Русской Правды мы видимъ повсюду содѣйствующую княжескому суду дѣятельность общинъ. Публичность дѣйствій суда, участіе людей или мужей входитъ, какъ органическій элементъ, въ судоустройство и судопроизводство. Толпа вовсе не пугаетъ судей; они не боятся «наводки». Многія изъ судебныхъ дѣйствій совершаются на торгахъ»³⁾.

Въ теченіи среднихъ вѣковъ въ западной Европѣ правосудіе перешло въ руки ученыхъ легистовъ. Мало по малу наступило господство розыскнаго, инвизиціоннаго процесса, и съ XV ст., а въ особенности среди религіозныхъ войнъ XVI вѣка судъ началъ обставлять себя тайной⁴⁾. Закрытыя камеры и канцеляріи, охранявшія тайну дѣлъ, смѣнили публичныя судебныя аудиторіи. «Тайна непонятнаго народу судебного процесса, господство чуждаго ему римскаго права, замѣнившаго мѣстные народныя обычаи, ослабили въ народѣ сочувствіе къ общественнымъ интересамъ»⁵⁾.

¹⁾ Keller. Der Römische Civilprozess. Lpz. S. 72.

²⁾ Побѣдоносцевъ. О реформахъ въ гражд. судопр. Русск. Вѣст. Т. XXI стр. 178.

³⁾ Дювернуа. Источники права и судъ въ древней Россіи. М. 1869 г., стр. 166—168, 360.

⁴⁾ Philosophie de la procédure civile par Bordeaux. Evreux, 1857 p. 263.

⁵⁾ Гольцендорфъ. Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни, перев. Анненскаго. Спб. 1881 г., стр. 23.

«У насъ закрытые суды, дѣйствовавшіе подѣ покровомъ канцелярской тайны, установились къ тому же времени незамѣтно, мало по малу, безъ положительнаго законнаго предписанія; вѣроятно подѣ вліяніемъ административной централизаціи, собиравшей воедино все части московскаго государства, и приказнаго начала»¹⁾).

«Къ концу 18-го столѣтія въ Европѣ сложилось общественное мнѣніе, обладавшее уже необыкновенной силой. Оно было направлено главнымъ образомъ противъ педантической рутины и бездушнаго формализма бюрократіи, облекавшей свои дѣйствія глубокой тайной; противъ безобразія и жестокости создававшагося *въ безмилосердіи* законодательства, и противъ *извращенія правосудія*»²⁾). Вспомнимъ бурю, поднятую Вольтеромъ по поводу юридическаго убійства, совершеннаго надѣ Жаномъ Каласомъ.

Движеніе, вызванное такой силой общественнаго мнѣнія, привело къ возсозданію той же формы суда, которую мы уже видѣли въ первыхъ стадіяхъ общественности; къ формѣ теперь несравненно болѣе богатой по содержанию: въ ней народо-общественное участіе въ дѣлѣ суда опредѣляется: во 1-хъ элементомъ присяжныхъ судей, представителей общественной совѣсти, направляемыхъ и руководимыхъ научно-образованными судьями-юристами, при раздѣльности функцій присяжныхъ и коронныхъ судей; и во 2-хъ гласностью дѣйствій суда, совершаемыхъ на глазахъ присутствующей публики, а при посредствѣ печати на глазахъ всей страны.

Первичное народо-общественное начало, какъ и смѣнившее его начало бюрократическое въ дѣлѣ суда, представляютъ *естественный* и *безсознательный* продуктъ обще-

¹⁾ *Побѣдоносцевъ*, цитир. соч., стр. 178.

²⁾ *Гольцендорфъ*, цитир. соч. стр. 24.

ственной жизни. Напротивъ того послѣдняя, современная намъ — форма народо-общественнаго участія въ судебномъ процессѣ есть результатъ *сознательно-разумной критической мысли*, опирающейся на науку, на логику вещей и на дан- ный жизненнаго опыта.

За гласно-публичный судъ высказываются ученые и практики, государственные люди, философы и публицисты.

Однимъ изъ самыхъ авторитетныхъ апологистовъ публичности суда является Бентамъ: публичность онъ объ- являетъ существеннѣйшей судебной гарантiей, *стоящей влѣдъ остальныхъ влѣстль взятыхъ* ¹⁾.

Въ томъ-же духѣ Фостенъ Эли говоритъ, что публич- ность засѣданiя *самая существенная* форма судопроизвод- ства; она освѣщаетъ всѣ дѣйствiя суда, успокаиваетъ всѣхъ, кто имѣетъ или можетъ имѣть дѣло съ судомъ, и окружаетъ дѣятельность его большимъ почетомъ ²⁾.

Другой французскiй процессуалистъ—Бордо высказы- ваетъ: публичность засѣданiй составляетъ основную догму правосудiя, и никто *не осмѣлился-бы*, я думаю, колебать ея спасительный авторитетъ ³⁾.

«Если цѣль правосудiя дѣйствительно состоитъ въ охраненiи правды, въ исправленiи и обличенiи неправды, то оно не должно опасаться свѣта, п. ч. обличенiе неправды во тьмѣ не есть обличенiе. Когда правосудiе избираетъ для себя таинственные пути—это значитъ, что въ путяхъ правосудiя есть кривизна, которую оно опасается обна- ружить». Такъ говоритъ писатель, соединяющiй въ себѣ обширныя научныя познанiя—съ глубокимъ знанiемъ жизни, вынесеннымъ изъ многолѣтней судебной дѣятельности, К. П. Побѣдоносцевъ ⁴⁾

¹⁾ *Bordeaux*, цит. соч. стр. 264.

²⁾ У *Арсеньева*: Судебное слѣдствiе. Спб. 1871 г., стр. 3.

³⁾ Цит. соч. стр. 262.

⁴⁾ Цит. соч. стр. 177.

Въ своемъ Курсѣ гражд. судопр. профессоръ Малышевъ энергично выступаетъ за публичность ¹⁾, указывая, что она предупреждаетъ кляузы, поддерживаетъ правую сторону, возбуждаетъ энергію должностныхъ лицъ, бросаетъ свѣтъ на даровитыя и честныя натуры, такъ и на бездарность и пороки.

Наконецъ при обсужденіи нашихъ судебныхъ уставовъ Государственный Совѣтъ высказалъ: «неоспоримыя преимущества гласнаго суда признаны всѣми; начало гласности столь важно и необходимо, что безъ него и *самое понятие о судѣ утрачиваетъ свое значеніе* ²⁾».

Послѣ такихъ общихъ характеристикъ гласности припомнимся къ отдѣльнымъ благамъ, присущимъ гласному суду.

Блага эти могутъ быть сгруппированы въ три категоріи :

- а) блага, извлекаемыя обществомъ, какъ цѣлымъ;
- б) блага, въ своей совокупности обезпечивающія достиженіе главной цѣли правосудія—истины.
- в) блага, служащія законнымъ и человѣчнымъ интересамъ судящихся.

а) Блага общественныя. Въ современныхъ обществахъ сила и значеніе общественнаго мнѣнія есть фактъ, котораго уже игнорировать нельзя, но съ которымъ надо считаться. Въ общественной психикѣ этотъ фактъ выражаетъ проснувшееся сознаніе коллективной личности—общества.

Конечно не слѣдуетъ создавать условій, способствующихъ постоянному конфликту общественныхъ силъ: подобное состояніе общества не можетъ быть здоровымъ.

¹⁾ Стр. 353—354, изд. 1876 г. Т. I.

²⁾ Журналь Госуд. Совѣта № 65, стр. 59. *Джаншиева*: Ограниченіе гласности въ судѣ, Юр. Вѣст. 1877 г. Янв. стр. 110 и 111

Но закрытый судъ, какъ историческимъ опытомъ доказано, *неизбѣжно производитъ* такой хроническій конфликтъ; гласный-же судъ открываетъ пути для естественнаго и законнаго взаимодействія между обществомъ и судомъ, достигаемаго безъ ущерба для самостоятельности судей, если они стоятъ на высотѣ своего положенія. Къ этой мысли подошелъ Бентамъ, доведшій ее однако до парадоксальной крайности, выражаясь, что для общества не столько важно имѣть судъ, изрекающій безусловную истину, сколько важно быть убѣжденнымъ въ томъ, что его судъ правъ и хорошъ ¹⁾).

Правильное отношеніе общественнаго мнѣнія къ суду зависитъ отъ довѣрія общества, а это довѣріе поддерживается, когда юстиція осязательна для всѣхъ ²⁾); только знаніе всего хода дѣла, *способовъ* дѣятельности, которыми судъ пришелъ къ постановленію приговора, можетъ привести къ образованію общаго убѣжденія, что законъ примѣненъ правильно; напротивъ тайна производства вызываетъ неувѣренность въ правильности приговора и, подобно жестокимъ наказаніямъ, порождаетъ состраданіе къ осужденному, какъ возможной жертвѣ судебныхъ порядковъ ³⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ гласный судъ является могущественнымъ просвѣтительнымъ орудіемъ для народа.

Нельзя не считать благотѣльнымъ, говоритъ Блюнчли, что народъ можетъ составить себѣ нравственныя понятія и здоровыя сужденія о справедливомъ и несправедливомъ,

¹⁾ *Фойницкій*, цит. соч. стр. 93.

²⁾ *Mittermaier*. Законодательство и юридическая практика, пер. Баргенева. Сиб. 1864 г.; стр. 258.

³⁾ *Фойницкій*, цит. соч. стр. 91; *Глазера*. Руководство въ уголовному процессу, пер. Дихачева. Сиб. 1884 г. стр. 20.

о необходимомъ и полезномъ, вредномъ и пагубномъ для общества ¹⁾).

Миттермайеръ относитъ къ важнѣйшимъ заслугамъ публичнаго суда то, что въ немъ во очію для народа оправдывается завѣтъ, что виновный не уйдетъ отъ кары, что ложь и плутовство безсильны передъ истиной и духовнымъ оружіемъ служителей правды ²⁾).

Эту сторону гласнаго суда отрицаетъ новая итальянская антропологическая школа въ уголовномъ правѣ ³⁾).

Ферри въ числѣ факторовъ, которые должны уничтожить преступленія въ обществѣ, — по категоріи воспитательной считаетъ ограниченіе числа посѣтителей судебныхъ засѣданій.

Ломброзо требуетъ устраненія гласности въ судахъ на томъ основаніи, что публика, не имѣя достаточнаго запаса нравственныхъ началъ, склонна покрывать ореоломъ ложной славы, крайне для нея заманчивой, героев порока и преступленія. Онъ ссылается на случаи, въ которыхъ совершенію преступленій предшествовало частое посѣщеніе уголовно-судебныхъ засѣданій.

Эта школа, въ которой оригинальна развѣ ея безпощадная жестокость, — знаменіе того мрака, который все сгущается къ концу 19-го вѣка.

Эта школа послѣдовательна: она вооружается не только противъ суда присяжныхъ и публичности, но вообще противъ всего гуманнаго въ сферѣ криминалистики.

¹⁾ У Гольцендорфа, цит. соч. стр. 2.

²⁾ Mündlichkeit, Oeffentlichkeit etc. Stuttg. u. Tüb. 1845 г. стр. 340.

³⁾ См. въ Ж. Гр. и Уг. Права, 1883 г. № 3, 1884 г. № 1, 1885 г. № 9, статья Лихачева, А. Л. Вульфберта; также крит. и библиограф. 1883 г. № 9, 1884 г. № 2, 1887 г. № 9; Фойницкій, цит. соч. стр. 91.

Эта школа требует слѣдственнаго инквизиціоннаго трибунала, который распознавалъ-бы преступниковъ и приговаривалъ бы осужденныхъ людей не по тяжести совершеннаго преступнаго дѣянія, а по соображенію анатомическихъ и физиологическихъ особенностей судимаго, по которымъ судъ устанавливалъ-бы антропологическую разновидность преступника, какъ субъекта со свойствами нисшей, дикой расы.

За то эта школа, повторяя зады по предмету публичности суда, совершенно нелогична. Для какой публики заманчивъ ореолъ ложной славы, покрывающій героевъ порока и преступленія?

Среда, производящая преступника, не можетъ быть способна къ идеализму, ей чуждо стремленіе къ славѣ. Преступленія совершаются, за рѣдкими исключеніями, по самымъ низменнымъ побужденіямъ; о какомъ ореолѣ можно въ такихъ случаяхъ говорить, если первая забота преступника скрыть свое участіе въ преступномъ дѣлѣ?

А въ преступленіяхъ, вызванныхъ духовными побужденіями или аффектомъ, преступнику тоже не до славы.

Частое посѣщеніе уголовно-судебныхъ засѣданій лицами, впослѣдствіи совершившими преступленіе, всего чаще доказываетъ зародившійся психозъ въ субъектѣ. Для совершенія преступнаго дѣла такимъ субъектомъ можетъ быть достаточно всякое сильное ощущеніе, всякое потрясеніе, чтеніе газетъ, романа, драматическое представленіе. Что же, въ виду такихъ возможныхъ больныхъ закрывать судебныя засѣданія для здоровыхъ?

Инквизиторы антропологической школы можетъ быть склонны къ строжайшей въ ихъ понятіяхъ театальной цензурѣ ¹⁾, но вѣдь слѣдовало-бы ужъ кстати запрещать

¹⁾ Отелло, Гамлета и почти всего Шекспира вужно-бы въ такомъ случаѣ воспретить.

и желѣзныя дороги, если учащаются случаи самоубійствъ подъ поѣздами*)).

б) Достиженіе истины въ процесѣ. При публичности процесса сила уголовной юстиціи, уваженіе къ правительству и готовность частныхъ лицъ способствовать открытію преступленій *распространяются*, — говоритъ Миттермайеръ ¹⁾).

«При канцелярской тайнѣ въ судебномъ разбирательствѣ каждый частный гражданинъ видитъ нѣчто чуждое ему; онъ не охотно принимаетъ на себя обязанности свидѣтеля или эксперта ²⁾). Кто не знаетъ какой страхъ, внушалъ у насъ народу старый судъ, кто не помнитъ классическаго Пушкинскаго утопленника :

«Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка!

Съ нимъ я вѣкъ не разберусь».

Призванный для дачи показаній свидѣтель формально отвѣчаетъ, стараясь скорѣе отдѣлаться. Напротивъ въ публичномъ засѣданіи свидѣтели, даже подсудимый, пишутъ

*) Говорятъ еще иногда, что въ публичныхъ засѣданіяхъ дурные люди изъ публики изучаютъ способы совершенія преступленій. Въ англійскомъ судѣ по дѣлу нужно было установить, могъ-ли еще кто нибудь изъ чужихъ, кромѣ кассера, знать секретъ замка. По указанію полиціи въ судъ въ качествѣ экспертовъ были вызваны два извѣстныхъ вора. Эксперты показали, что ворами извѣстны почти всѣ секретныя замки. въ томъ числѣ и данный, за исключеніемъ нѣсколькихъ замковъ. А какихъ фабрикантовъ замки вамъ неизвѣстны? съ любопытствомъ спросилъ судья. — «Милордъ», отвѣтилъ воръ-экспертъ : «это секретъ нашего ремесла». Примѣръ наглядно выясняетъ, что раскрываніе на рудѣ приемовъ и способовъ совершенія преступленій можетъ служить только въ пользу честныхъ людей, которыхъ можетъ предостеречь; у преступника же своя школа, или ему приходится самому быть изобрѣтательнымъ.

¹⁾ Законодательство и практика, стр. 259.

²⁾ *Фойницкій*, цит. соч. стр. 92.

графъ Блудовъ, силой самой торжественности побуждаются къ открытію истины ¹⁾).

Противники гласнаго суда часто утверждаютъ, что присутствіе публики смущаетъ свидѣтеля, что присутствіе подсудимаго внушаетъ ему опасеніе мести.

Миттермайеръ ссылается на свидѣтельство опытныхъ практиковъ въ томъ, что если сначала свидѣтель иногда робѣетъ, то затѣмъ именно торжественность обстановки пробуждаетъ въ свидѣтелѣ сознаніе долга. Нужно много рѣшимости свидѣтелю, чтобы лгать публично, когда онъ знаетъ, что въ самой публикѣ могутъ быть люди, способные обличить его; опасенія такого рода и вообще внушающее дѣйствіе обстановки пересиливаютъ въ свидѣтелѣ даже страхъ передъ местью со стороны подсудимаго, какъ удостовѣряютъ практики Италіи, классической страны мести ²⁾). Всѣ эти свидѣтельства иноземной жизни вполне подтверждаются и нашими писателями на основаніи опыта нашихъ судовъ ³⁾).

Англійскіе практики утверждаютъ, что нерѣдко изъ среды присутствующей публики являются свидѣтели ⁴⁾). Если у насъ такихъ случаевъ не бываетъ, то это конечно слѣдуетъ отнести на счетъ формальностей, съ какими у насъ сопряжено допущеніе свидѣтелей въ уголовномъ процессѣ.

Достиженіе главной цѣли правосудія раскрытіе истины— конечно въ главнѣйшей степени зависитъ отъ отношенія къ дѣлу самыхъ судей, прокуроровъ и адвокатовъ. Какъ дѣйствуетъ съ этой стороны канцелярская тайна и публичность суда?

¹⁾ У *Джаншиева* цит. соч. стр. 109—110.

²⁾ и ³⁾ *Mündlichkeit, Oeffentlichkeit* etc. S. 337; *Фойницкій*, цит. соч. стр. 92; *Арсеньевъ*, Судебное слѣдствіе, стр. 4.

⁴⁾ *Миттермайеръ*, цит. соч. стр. 337.

Важнѣйшіе пороки, разъядавшіе юстицію (взяточничество, злоупотребленіе властью, нарушеніе служебнаго долга), — совпадали съ тѣми историческими эпохами, когда отправленіе правосудія пряталось въ четырехъ стѣнахъ¹⁾.

Первые законы противъ взяточничества у насъ начинаются съ княжескаго судебника (1497 г.)²⁾, т. е. тогда именно, когда въ силу московской централизаціи заглохло народное участіе въ судебномъ дѣлѣ. Съ тѣхъ поръ борьба со зломъ проходитъ черезъ всю нашу исторію.

Въ лучшихъ случаяхъ судебный бюрократизмъ создавалъ халатное отношеніе къ дѣлу.

Въ закрытыхъ засѣданіяхъ судьи привыкають располагаться, какъ у себя, и каждый чиновникъ, угождая своему непосредственному начальнику и живя въ мирѣ съ товарищами, не обязанъ владѣть талантами или обременять себя трудомъ³⁾.

Закрытый судъ, говоритъ Побѣдоносцевъ, нерѣдко принимаетъ видъ домашняго дѣла⁴⁾?

Вспомнимъ идиллію миргородскаго повѣтоваго суда, въ которомъ начинаютъ свой процессъ поссорившіеся Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ.

«Судья въ замаслянномъ халатѣ съ трубкою и чашкою чая разговаривалъ съ подсудкомъ. . . . Босая дѣвка держала въ сторонѣ подносъ съ чашками. Въ концѣ стола секретарь читалъ рѣшеніе дѣла, но такимъ однообразнымъ и заунывнымъ тономъ, что самъ подсудимый заснулъ-бы, слушая. Судья, безъ сомнѣнія, это сдѣлалъ-бы прежде

¹⁾ *Фойницкій*, цит. соч. стр. 93.

²⁾ *Анцыферовъ*. Взятничество въ исторіи русскаго законодательства. Ж. Гр. и Уг. Права, 1884 г., стр. 19.

³⁾ *Мальшевъ*, цит. соч. стр. 353.

⁴⁾ *Побѣдоносцевъ*, цит. соч. стр. 181.

всѣхъ, если бы не вошелъ между тѣмъ въ занимательный разговоръ.

— Прикажете, Демьянъ Демьяновичъ, читать другое? прервалъ секретарь, уже нѣсколько минутъ окончившій чтеніе.

— А! Вы уже прочитали? Представьте, какъ скоро. Я и не услышалъ ничего! Дайте его сюда, я подпишу

«А! слыхомъ не слыхать, видомъ не видать.... вскричалъ вдругъ судья, увидѣвъ входящаго Ивана Ивановича.»

«Въ виду гласности и возбуждаемаго ею общественнаго мнѣнія судьи чувствуютъ всю важность и такъ сказать всю святость своего призванія» — писалъ графъ Блудовъ въ своей объяснительной запискѣ по предмету реформы суда ¹⁾).

Государственный Совѣтъ, *единогласно* признавая необходимымъ введеніе гласности въ судебныхъ учрежденіяхъ, находилъ, что гласность въ уголовномъ судопроизводствѣ въ такой мѣрѣ и въ такой степени содѣйствуетъ къ открытію истины, къ огражденію подсудимыхъ и *къ побужденію самыхъ судей къ тщательному разсмотрѣнію дѣлъ и правосудному рѣшенію*, что въ пользѣ ея не можетъ быть никакого сомнѣнія ²⁾).

Въ силу психическаго закона публичность могучій двигатель добросовѣтнаго служенія дѣлу со стороны судей, прокуроровъ и адвокатовъ.

Благотворное дѣйствіе простаго факта присутствія публики въ судебномъ засѣданіи чувствуется и въ новыхъ судахъ.

Займствую у Джаншіева всѣмъ намъ знакомыя картины ³⁾:

¹⁾ и ²⁾ У *Джаншіева*, цит. соч. стр. 110.

³⁾ Юр. Вѣст. 1887 г., № 3, стр. 503.

«Засѣданіе безъ участія присяжныхъ. Публика отсутствуетъ. Уныло, тоскливо, безучастно, почти машинально продѣлываетъ каждый изъ судебныхъ чиновъ свою опостылѣвшую обязанность. Единственный живой факторъ этой мертвящей процедуры, самъ подсудимый, дѣлаетъ иногда попытку внести свѣжую струю, но и у него замираетъ слово на устахъ при видѣ окружающей безжизненности обстановки.

Посмотрите теперь на тотъ же залъ, когда разсматривается какое нибудь дѣло при биткомъ набитой публикѣ съ массою репортеровъ. Тѣ же лица, но другія на нихъ лица. Всѣ смотрятъ почти по праздничному—бодрѣе, свѣжѣе. Предсѣдательствующій старается подтянуть, сдержать себя и другихъ. Онъ знаетъ, что его слушаетъ многочисленная аудиторія, а за стѣною еще болѣе многочисленная аудиторія, вся грамотная публика».

в) Блага, служащія интересамъ подсудимаго. Въ объяснительной запискѣ комиссіи по составленію проекта устава уголовного судопроизводства указано, что исключеніе гласности имѣетъ вообще ту вредную сторону, что, *лишая подсудимаго одного изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ защиты*, можетъ поколебать въ народѣ довѣріе въ правильности судебныхъ приговоровъ.

Кромѣ того у подсудимаго есть важнѣйшій и законный интересъ защищаться не только передъ судьями, а также передъ обществомъ. Старинный французскій юристъ Aугault подчеркиваетъ то обстоятельство, которое всѣмъ намъ знакомо: невинный никогда не будетъ вполне оправданъ, если процессъ не былъ производимъ на глазахъ публики; всегда останется нѣкоторое подозрѣніе противъ него ¹⁾.

¹⁾ Mittermaier. Mündlichkeit, Oeffentlichkeit etc. s. 343.

Съ другой стороны для душевнаго состоянія подсудимаго публичность представляетъ неопцннмое благо.

Писатель, который имѣлъ достаточно случаевъ при-
смотреться къ положенію подсудимыхъ, г. Копп, говоритъ:
«не легко для обвиняемаго, если онъ не видитъ, хотя бы въ
темномъ уголкѣ залы, предназначенномъ для публики, близ-
кихъ и друзей, которые знаютъ по его прошлому, что онъ
вовсе не такой человѣкъ, какимъ стараетсяъ сдѣлать его
обвиненіе со своими свидѣтелями» ¹⁾.

А конечно и въ новомъ судѣ подсудимый иногда могъ
бы воскликнуть вмѣстѣ съ поэтомъ:

О, прокуроръ! Ты не статью,
Ты душу вывернулъ мою!

По природѣ своей публичность суда должна служить
гарантіей для подсудимаго и противъ излишней страстно-
сти обвинителей; окажется ли эта гарантія дѣйствитель-
ной—это уже зависитъ отъ нравовъ, судебной дисциплины,
отъ уваженія къ общественному мнѣнію и отъ его силы.

Прежде нежели перейдемъ къ тому, какъ проведено
начало публичности въ новыхъ русскихъ судахъ, считаю
не лишнимъ интереса сказать нѣсколько словъ о томъ,
какъ встрѣчена была судебная реформа въ Россіи:

Какъ извѣстно это вообще было время ожиданія пре-
образованій. Но «всѣ остальные преобразованія выража-
лись въ общественномъ сознаніи еще безформенно, и тѣмъ
не менѣ весьма характерно—однимъ общимъ словомъ *глас-
ность*: всѣ реформы въ судѣ, въ мѣстномъ управленіи, бы-
товыхъ условіяхъ, печати — начались у насъ со слова
гласность, такъ сказать почерпнули изъ этого принципа

¹⁾ Объ условіяхъ публичности засѣданій нашихъ уголовныхъ
и гражданскихъ судовъ, (протоколы Петерб. Юр. Общ. за 1882 г.,
стр. 21.

свое бытіе. Это была душа, которую вдохнуло въ нихъ общество»¹⁾).

До чего доходило общее увлеченіе — это рисуется между прочимъ и такимъ фактомъ: на художественной выставкѣ 1865 года выставлены были проекты новыхъ судебныхныхъ мѣстъ: въ залахъ для публичныхъ засѣданій устройство рассчитано было на 3000 человекъ публики²⁾).

Увлеченіе однако не было всеобщимъ: историческіе матеріалы, содержащіе мнѣнія судебныхныхъ чиновъ о предстоящей реформѣ, характеризуютъ личный составъ тогдашнихъ судовъ: предсѣдатели, привязанные къ рутинѣ, относились къ реформѣ крайне подозрительно; прокуроры возставали противъ гласности. Одинъ—предлагалъ въ видахъ ограниченія гласности установить билеты, которые и продавать по цѣнѣ, установленной въ канцеляріяхъ губернаторовъ³⁾).

Время, въ теченіи котораго я могу позволить себѣ занимать ваше вниманіе, заставляетъ меня ограничить мою задачу: я не коснусь вопроса о гласности предварительнаго слѣдствія въ уголовномъ процессѣ, — и въ краткомъ по возможности обзорѣни догмы не коснусь ни ограниченія гласности, введенной закономъ 4 Сентября 1881 г. для мѣстностей, объявленныхъ въ положеніи усиленной

1) Русск. Мысль, 1887 г., № 2. Внутр. Обзорѣніе, стр. 199.

2) Кони, цитир. соч. стр. 20.

3) Этотъ прокуроръ можетъ быть не зналъ, что его идея предвосхищена. Миттермайеръ сообщаетъ, что въ Лондонскомъ Центральномъ Судѣ по обычаю платить за входъ—на галерею 3 шиллинга, на заднее мѣсто 2 шиллинга; судьи возставали противъ этого, но шерифъ ссылался на то, что прислуга должна пользоваться небольшимъ сборомъ. (Законодат. и практика, стр. 258).

4) Кони, *ibid.* стр. 20.

охраны, ни ограниченій по ст. 1056-й уст. угол. судопр. по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Всякій принципъ, проводимый въ учрежденіяхъ, предназначенныхъ служить жизни, естественно терпитъ въ которое уклоненіе по соображенію жизненныхъ условій. Принципъ судебной гласности также подчиняется ограниченіямъ, которыя однако въ виду указанныхъ мною благъ гласности должны быть строго взвѣшены и допущены только какъ необходимость.

Составители судебныхъ уставовъ исходили изъ той мысли, что культивированіе гласности, въ виду традицій и привычекъ нашего тогдашняго судебного персонала, требуетъ особенныхъ предосторожностей *)).

Публичность засѣданій поятому поставлена общимъ правиломъ.

Въ ст. 325 уст. гр. судопр. выражено: если по особому свойству дѣла публичность засѣданія можетъ быть предосудительна для религіи, общественнаго порядка или нравственности, то судъ по собственному усмотрѣнію или по требованію прокурора, можетъ постановить, чтобы засѣданіе было при закрытыхъ дверяхъ.

Суду гражданскому подлежатъ главнымъ образомъ споры объ имущественныхъ правахъ; только споры о законности рожденія могутъ составить родъ дѣлъ, въ которомъ можно было бы вообще опасаться какой-либо предосу-

*) Странное пониманіе значенія гласности и ея ограниченій обнаруживалось по введеніи реформы не разъ; такъ изъ рѣшенія Угол. Кассад. Сената № 968-й 1863 г. видно, что по дѣлу объ истязаніи собаки мировой стѣздъ закрылъ двери засѣданія, п. ч. въ дѣлѣ во многихъ мѣстахъ помѣщены «неприличныя выраженія». Сенатъ кассировалъ по нарушенію начала публичности.

дительности для нравственности при публичномъ разборѣ; но и здѣсь такое явленіе не составляетъ общаго правила. Вообще же въ дѣлахъ гражданскихъ предосудительность, о которой говоритъ ст. 325, является эпизодическою.

Вотъ почему законъ обозначилъ здѣсь исключеніе не *родима дѣла*, а *своиствомъ дѣла*.

Рѣшеніе вопроса о томъ, содержитъ ли дѣло указаннаго закономъ свойства предосудительности, принадлежитъ только суду; требованіе прокурора по этому предмету, какъ и всякое требованіе, предъявляемое суду, можетъ быть уважено или не уважено. Законъ не указалъ способовъ обжалованія такихъ постановленій, которыя во всякомъ случаѣ немедленно приводятся въ исполненіе.

Кромѣ того судъ можетъ происходить въ закрытомъ засѣданіи по общей просьбѣ сторонъ, признанной уважительной судомъ. Здѣсь имѣются въ виду случаи, когда гласное разбирательство во вредъ сторонамъ могло бы обнаружить какіе либо торговые или промышленные секреты.

Наконецъ просьбы о разрѣшеніи отыскивать съ судебныхъ чиновъ убытки, причиненные должностными дѣйствіями, разсматриваются въ закрытомъ засѣданіи (ст. 1334 уст. гражд. судопр.).

Тѣ же законы (ст. 325 — 326) распространяются на палату и, по мнѣнію Анненкова, на мировыя установленія—въ силу ст. 80 и 777 уст. гражд. судопр. ¹⁾.

Но въ Кассационномъ Сенатѣ законъ (ст. 803 *ibid.*) предписываетъ безусловную публичность засѣданія; и нѣтъ общаго правила, распространяющаго порядокъ производства въ судахъ на Сенатѣ. При обсужденіи уставовъ было предложено гр. Панинымъ въ Кассационномъ Сенатѣ слушать дѣла вообще не публично, но Государственный Со-

¹⁾ Опытъ Комментарія. Т. VI, стр. 59—60.

вѣтъ не согласился съ этимъ предложеніемъ ¹⁾. Непримѣнимость же для кассационнаго суда ограниченій публичности, указанныхъ ст. 325—326 уст. гражд. судопр. объясняется тѣмъ, что Сенатъ не разсматриваетъ существа дѣла.

Въ уголовное судопроизводство важныя измѣненія относительно публичности слушанія дѣлъ внесъ законъ 12 Февраля 1887 г.

Составители устава уголовного судопроизводства находили нужнымъ указать точно *въ законѣ* допускаемыя исключенія изъ общаго правила о публичности.

Поэтому въ ст. 620 указаны тѣ роды дѣлъ, которые могутъ быть разсматриваемы не публично, именно:

- 1) о богохуленіи, оскорбленіи святыни и порицаніи вѣры;
- 2) о преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ;
- 3) о преступленіяхъ противъ чести и цѣломудрія женщинъ;
- 4) о развратномъ поведеніи и вообще о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 993—1000 улож. о наказ.

Закрытіе дверей засѣданія даже въ этихъ случаяхъ зависѣло отъ того, усмотритъ ли судъ *явную* въ томъ необходимость.

Новый законъ предписываетъ въ этихъ случаяхъ безусловно производить дѣла непублично, при чемъ къ той же категоріи присоединены дѣла объ отступленіи отъ вѣры и о ересьяхъ и расколахъ.

Опытъ судебной практики установилъ, что нѣтъ опредѣленныхъ категорій дѣлъ, которыхъ безусловно нельзя было бы слушать публично: все зависитъ отъ даннаго содержанія дѣла и способа его веденія ²⁾. За это же мнѣніе

¹⁾ Уст. Гражд. Суд. изд. Госуд. Канцел., разсужд. къ ст. 803.

²⁾ Арсенъевъ, цит. соч. стр. 4—5.

высказываются научные авторитеты ¹⁾ и ему слѣдуютъ иностранныя законодательства ²⁾.

Кромѣ того по новому закону подлежатъ безусловной негласности производства :

а) дѣла объ отступленіи отъ вѣры и о ересьяхъ и расколахъ.

Внутреній обозрѣватель « Русской Мысли » (1887 года, № 4-й) говоритъ по поводу этого закона: «необходимость (конечно безусловная) непубличнаго разсмотрѣнія дѣлъ этого рода не подтверждается практикою открытыхъ «собесѣдованій» съ раскольниками. Диспуты эти предполагаютъ право сектантскихъ начетчиковъ оспаривать церковное ученіе. Въ дѣлахъ же судебныхъ полемиическое отношеніе къ церкви можетъ представлять только вводный элементъ; суть состоитъ въ выясненіи факта виновности».

«Вѣстникъ Европы» по этому поводу высказываетъ: цѣлая область народной жизни будетъ закрыта для изученія, основаннаго на достовѣрныхъ фактахъ. Мы однако не помнимъ ни одного процесса о совращеніи, который возбудилъ бы общественный соблазнъ, повлекъ бы усиленіе пропаганды ³⁾.

б) преступленія противъ правъ семейственныхъ (ст. 1549—1597). По этой категоріи подъ безусловный запретъ публичности подойдутъ не только дѣла о двоеженствѣ, обыкновенно не заключающія въ себѣ никакого соблазна, но и такія судимости: вступленіе въ бракъ прежде или позже опредѣленнаго возраста, вступленіе въ бракъ безъ дозволенія начальства; даже нарушеніе правилъ объ оглашеніи брака и т. под.

¹⁾ Миттермайеръ, Законодательст. и практ. стр. 260, примѣч. 9; стр. 258, примѣч. 5.

²⁾ Французск., Германск., Австрійск., предоставляющія рѣшеніе вопроса усмотрѣнію суда.

³⁾ 1887 г. № 4. Внутр. Обзор. стр. 836.

Въ уставѣ уголовного судопроизводства усматривался тотъ пробѣлъ, что, допуская негласность по роду дѣлъ, законъ не содержалъ постановленія на случай, если бы въ дѣлахъ другаго рода оказались обстоятельства предосудительнаго свойства въ смыслѣ ст. 325 уст. гр. суд.—пробѣлъ этотъ былъ пополненъ доктриной Кассационнаго Сената.

Въ новомъ законѣ сверхъ нормъ, которыя могли быть введены по аналогіи ст. 325 уст. гражд. суд., допускается закрытіе дверей засѣданія по усмотрѣнію суда или по распоряженію *Министра Юстиціи*:

- 1) въ видахъ огражденія достоинства государственной власти,
- 2) охраненія общественнаго порядка.
- 3) и обезпеченія правильнаго хода судебныхъ засѣданій.

Вся эта часть закона страдаетъ крайнею неопредѣленностью, такъ что рѣшеніе вопроса о публичности засѣданій становится дѣломъ субъективнаго усмотрѣнія. При томъ надо имѣть въ виду, что огражденіе достоинства власти непубличностью разбирательства дѣлъ — орудіе обоюдо-острое: оно можетъ воспрепятствовать и реабилитаціи въ общественномъ мнѣніи несправедливо инкриминированнаго должностнаго лица.

Что касается обезпеченности правильнаго хода судебныхъ засѣданій не допущеніемъ публики, то это мотивируется поведеніемъ публики въ засѣданіяхъ. Не говоря уже о томъ, что у предсѣдательствующаго по закону достаточно средствъ обуздать публику, — странно, что русская публика такимъ образомъ признана болѣе сангвинической, чѣмъ публика южныхъ странъ, напр. Италіи, гдѣ наблю-

денія удостовѣряють прекрасное и сдержанное поведеніе публики ¹⁾).

И-е отдѣленіе новаго закона дополняетъ ст. 918-ю уст. уголовн. судопр. тѣмъ, что дѣйствіе ст. 621, представляющей Министру Юстиціи право дѣлать распоряженіе о закрытіи дверей засѣданія, не распространяется на дѣла, разсматриваемыя въ Сенатѣ. Отсюда слѣдуетъ, что ст. 620² и 620³ относительно непубличности засѣданій распространяются на Сенатъ, и стало быть Верховный Кассационный Судъ, вѣдающій одни вопросы закона, можетъ закрыть двери своихъ засѣданій.

По новому закону председатель можетъ воспретить доступъ въ засѣданія женщинамъ и несовершеннолѣтнимъ, когда этого требуютъ свойства разсматриваемаго дѣла или отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій.

Нѣкоторыя партикулярныя нѣмецкія законодательства запрещаютъ совершенно женщинамъ являться въ судебныя засѣданія ²⁾. Право удалять женщинъ изъ засѣданія, если обстоятельства дѣла содержатъ что либо предосудительное для нравственности, принадлежитъ председателю и во французскомъ процесѣ. Обыкновенно председатель ограничивается тѣмъ, что предупреждаетъ присутствующихъ женщинъ о свойствахъ дѣла, не заботясь о дальнѣйшемъ *). Въ Англии по такого же рода дѣламъ приставъ долженъ объявить: женщины, уходите!—но это не соблюдается ³⁾.

¹⁾ У *Миттермайера*. *Mündlichkeit, Oeffentlichkeit etc.* Ss. 40—91.

²⁾ *Миттермайеръ*, цит. соч. стр. 353.

^{*)} Въ одномъ случаѣ председатель, послѣ неподѣйствовавшаго предупрежденія, заявилъ: «я совѣтовалъ порядочнымъ женщинамъ уйти; ни одна не ушла—стало быть здѣсь нѣтъ порядочныхъ женщинъ; удалите всѣхъ». Такая рѣзкость представляется рѣдкою. Обыкновенно въ французскихъ судахъ къ женщинамъ относятся особенно вѣжливо; для нихъ особыя *places réservés*, что вызвало даже циркуляръ Министра Юстиціи.

³⁾ *Миттермайеръ*. Законодательство и практика, стр. 258.

Что понимать по приведенному предмету въ новомъ законѣ—подъ выраженіемъ свойство дѣла?

Согласно вышесказанному—дѣла, содержащія обвиненія въ преступленіяхъ противъ нравственности, слушаются безусловно негласно; стало быть дѣла, по коимъ могутъ быть удаляемы однѣ женщины и несовершеннолѣтніе, должны содержать скабрёзные обстоятельства только эпизодически.

Съ другой стороны отнесеніе къ одной категоріи женщинъ и несовершеннолѣтнихъ не указываетъ ли на дѣла, сильно дѣйствующія на слабонервныхъ?

Понятно, что вложить то или другое содержаніе въ законъ зависитъ отъ предсѣдательствующаго, а это лишаетъ законъ его главнаго качества—неуклонности и единообразія въ примѣненіи.

Въ мотивахъ къ проекту новаго закона (въ томъ видѣ какъ они проникли въ печать) указано, что устраненіе женщинъ не только не противорѣчитъ началу публичности, но напротивъ того нерѣдко давало бы суду возможность избѣжать совершеннаго закрытія дверей для всей публики.

При современныхъ условіяхъ общественной жизни исключеніе женщинъ создаетъ полугласность. Всему, что общество извлекаетъ изъ публичности суда, не должна быть чужда женщина. Нѣтъ сомнѣнія, что въ созданіи общественнаго мнѣнія голосъ женщины играетъ не послѣднюю роль. Непрактичность женщины, ея незнаніе людей и жизни—наше собственное, мужское горе.

Не нужно слишкомъ нянчиться съ женскими нервами и женскою стыдливостью. Еще совершенно не рѣшенъ вопросъ о преимуществахъ мужскихъ нервовъ передъ женскими.

Удаленіе отъ общественной жизни, гинекеи и терема нравственности женщинъ никогда не улучшали. Нечего

бояться, чтобы женщины нравственно портились, присутствуя при соблазнительныхъ процессахъ; здѣсь женщина обыкновенно фигурируетъ жертвой, а такая роль не соблазнительна. Относительно того, какую публику составляютъ въ судебныхъ засѣданіяхъ женщины послушаемъ Миттермайера: «мы видѣли женщинъ въ судебныхъ залахъ *многихъ странъ* и убѣдились, что ихъ приводило въ засѣданіе благородное побужденіе; сужденіе ихъ о происходившемъ на судѣ обнаруживало ясность пониманія и благоразуміе» ¹⁾).

Трудно догадаться, чѣмъ можетъ быть объяснено въ новомъ законѣ недопущеніе въ судебныя засѣданія совершеннолѣтнихъ молодыхъ людей студентовъ, хотя бы предметъ дѣла не входилъ въ кругъ ихъ учебныхъ занятій.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе закона 12 Февраля 1887 года и его отношеніе къ уставу уголовного судопроизводства, призванному къ жизни 20 Ноября 1864 года.

Будемъ надѣяться, что нерукотворный памятникъ АЛЕКСАНДРА II сохранится въ будущемъ во всемъ своемъ величій.

¹⁾ Oeffentlichkeit etc. s. 356.